

Эта поездка должна была принести радость, но обернулась лишь досадой.

Вернувшись домой, Сяо Минъюэ взяла новую лошадь. Ену, жуя лепешку, с любопытством поглядывал на хозяйку: с чего это она вернулась так скоро? Но, заметив ее помрачневшее лицо, он догадался, что весть о гибели Цзинь Шаои уже дошла до нее и теперь она хочет развеяться, прокатившись верхом.

Семья Цзинь из Пэнчэна по знатности и богатству уступала другим влиятельным родам, и в огромном округе Чу их едва ли можно было назвать состоятельными. Однако тем, что сегодня они владели сотней му плодородных земель, семью лавками и несколькими особняками, они были обязаны Лу Цзюин, которая нашла у них приют.

Судьба Лу Цзюин сильно отличалась от судьбы Сяо Минъюэ. Сяо Минъюэ в детстве потеряла родных и была усыновлена семьей Сун. Ей повезло обрести близких, которые полюбили ее как родную, а старший брат Сун Янь души в ней не чаял и даже уступил ей место главы семьи, за что ее глубоко уважали все члены торгового каравана Сун.

Но Лу Цзюин — ее происхождение не было тайной ни в округе Чу, ни во всей империи. Ее дед, князь Линь, был мятежником, поднявшим восстание, и она слыла потомком опального преступника.

После провала мятежа в округе Чу род князя Линь подлежал полному истреблению, но один из удельных князей, не желая пресечения рода, подал прошение и с трудом добился помилования для шестилетней внучки князя, Лу Цзюин. Остальные родственники были казнены.

Лу Цзюин выжила, но ее отправили в столицу, где она до двенадцати лет служила рабыней во дворце, пока ее не освободили от этого статуса. Только тогда она нашла дорогу к дому семьи Цзинь. Ее кормилицей была старая управляющая из поместья князя Линь и родная сестра госпожи Цзинь. Сестры были очень близки, и в годы расцвета княжеского дома госпожа Цзинь получила немало благ благодаря сестре. Когда над домом князя нависла угроза, кормилица отправила сестре письмо, в котором в своем завещании вновь и вновь умоляла любой ценой защитить эту княжну.

Госпожа Цзинь думала, что Лу Цзюин до конца дней останется в рабстве, но кто мог предвидеть, что она обретет свободу? А тут как раз подоспел день рождения императрицы Вэй, и император Сяо объявил всеобщую амнистию. Так к Лу Цзюин вернулся титул княжны, и она добралась до округа Чу. Госпожа Цзинь сдержала слово: она вместе с первой, второй и третьей ветвями семьи опустилась на колени, чтобы с почестями принять княжну в дом. С тех пор прошло уже шесть лет.

Все эти шесть лет Лу Цзюин, хоть и числилась под опекой старшей ветви семьи, жила уединенно в западном саду. Она вела себя совсем не как княжна — была мягкой, кроткой и никогда ни с кем не спорила. Но, к несчастью, слово давала госпожа Цзинь, а в огромной семье с множеством ветвей и людей разве можно было рассчитывать на спокойную жизнь?

У госпожи Цзинь было два сына и один приемный, всего трое.

Глава старшей ветви ушел из жизни рано, и госпожа Лин родила лишь дочь, Цзинь Шаоцзюнь. Второй сын, Цзинь Жухуэй, домашними делами не занимался, предпочитая развлечения, и, помимо законной жены госпожи Цинь, держал множество наложниц. К счастью, госпожа Цинь оказалась проворной и родила старшего внука Цзинь Шаои, а также дочь Цзинь Шаошу. Что касается третьего сына, Цзинь Бураня, то его взяли из другой ветви рода. Его не особо жаловали, и он часто конфликтовал со старшими братьями. В конце концов, он женился на госпоже Чжоу, которая родила двух дочерей-близнецов. Госпожа Чжоу не поладила с женами братьев, и в итоге третья ветвь отделилась, уехала и обосновалась в Чанъане.

Право распоряжаться хозяйством семьи Цзинь оставалось в руках госпожи Цинь, которая возвысилась благодаря сыну. В конце концов, Цзинь Шаои был единственным внуком в роду, и госпоже Лин, даже при всем своем недовольстве, приходилось сжимать зубы и терпеть. И все эти годы, пока остальные ветви грызлись между собой, пришедшая Лу Цзюин стала для всех удобной мишенью для срыва злости.

Все думали, что вместе с княжной в дом придут несметные богатства, но император Сяо лишь вернул ей статус, не наделив землями, так что по сути она оставалась простолюдинкой. Да и чего еще ожидать от потомка преступника, который должен был быть казнен?

Лу Цзюин, нося титул княжны лишь на словах, терпела насмешки и пренебрежение.

За те шесть лет, что она прожила в уезде Пэнчэн, ее самой большой радостью стал не кто-то из семьи Цзинь, а знакомство с Сяо Миньюэ. Они поддерживали друг друга, вместе пройдя через множество невзгод.

Теперь же, когда Цзинь Шаои, единственный, кто мог защитить Лу Цзюин, погиб, жизнь ее, несомненно, станет еще тяжелее.

В этот момент Сяо Миньюэ мчалась на коне по полям. Деревня Цинхэ находилась в восьмидесяти ли от города, там выращивали зерновые и лекарственные травы. После осенних дождей поля раскисли, многие посевы проса, которые не успели убрать, полегли в грязь, и как ни пытались крестьяне их поднять, они не выпрямлялись.

Сяо Миньюэ представила, как такая хрупкая девушка, как Лу Цзюин, вынуждена трудиться наравне с крестьянами, и у нее сжалось сердце. Она сжала в руке маленькую красную плетень, прищепила лошадь и издала призывающий звук.

Копыта с плеском ударили по лужам, разлетаясь фонтанами грязи и оставляя следы, которые тут же наполнялись дождевой водой.

Вдоль дороги шел маленький пастушок, ведя за собой старого вола. Его звонкий голос разносился по полям:

— Камыши пожелтели, иней белым-бела... Та, что мила, где-то там у воды...

Мальчику было лет пять-шесть. Он поднял голову на приближающуюся Сяо Минъюэ, и его тут же пленил ее лихой, стремительный облик. Он помахал сорванной веточкой османтуса, но продолжить стихи так и не смог.

Сяо Минъюэ, увидев восхищенный взгляд ребенка, почувствовала, как ее тревога отступает.

Услышав эти строки, она вспомнила, что сегодня наступил Байлу — Белые росы. Повеяло осенним ветром, роса увлажнила горы и реки, наступило благодатное время сбора урожая. Сяо Минъюэ натянула поводья, замедляя ход, достала из рукава две монеты и бросила их пастушку, улыбнувшись:

— Путь против течения долог и труден.

Мальчик застыл с монетами в руках, провожая взглядом удаляющуюся всадницу.

Вскоре показалась хижина семьи Цзинь. Сяо Минъюэ подняла глаза и увидела ослепительную россыпь осенних бегоний, за которыми пряталась соломенная крыша дома с неровными краями. На крыше, кажется, кто-то сидел, пытаясь заделать дыру смесью глины и соломы. Человек явно боялся высоты, движения были неуверенными, и в какой-то момент, поскользнувшись, он сорвался вниз.

— Сестра!

С криком Сяо Минъюэ бросилась вперед. Лу Цзюин полетела вниз, но Сяо Минъюэ, собравшись, прыгнула из седла и ловко метнула кнут, обхватив им толстую ветвь бегонии перед домом. Используя инерцию, она подхватила падающую девушку.

Хижина была невысокой, но внезапный срыв сильно напугал Лу Цзюин. Она, не обращая внимания на испачканные в глине руки, судорожно вцепилась в свою спасительницу. Увидев лицо той, кто ее подхватил, она сменила испуг на изумление.

— А-Мяо? — выдохнула Лу Цзюин.

Мяо — это было детское имя Сяо Миньюэ, так ее называли только самые близкие люди. Сяо Миньюэ, все еще держа в объятиях легкую, как пушинка, Лу Цзюин, нахмурилась:

— Полгода не виделись, сестрица, почему ты так сильно похудела?

Лу Цзюин твердо встала на ноги. Она была бледна, хрупка, одета в простое ханьфу цвета снежной лазури без единого узора, а волосы были повязаны грубым платком — вылитая деревенская женщина. И все же ее глаза, подобные глазам горной лани, сияли живостью. В этот момент сверху медленно опустился красный лепесток бегонии, отразившись в ее влажных глазах, словно лебединое перо на воде, — невероятно изящное зрелище.

Все-таки она была из знатного рода. Даже будучи потомком опального князя, она сохраняла благородство, которое не могла скрыть ни грубая одежда, ни бедность.

Лу Цзюин выпрямилась, сложила руки на животе и мягко улыбнулась:

— Из-за летней жары аппетит был не очень, вот и исхудала. Не волнуйся, А-Мяо. А ты? Обычно приезжала только под конец года, а тут — ни слуху ни духу, даже письма не прислала.

— Конечно, я хотела сделать тебе сюрприз.

Сяо Миньюэ была живой и энергичной, а Лу Цзюин — сдержанной. Разные по характеру, они были очень близки.

Лу Цзюин развязала платок и, свернув его, принялась вытирать грязь с воротника Сяо Миньюэ:

— Ты так торопилась, неужели из-за моего восемнадцатилетия?

Ничто не могло укрыться от проницательной сестры. Сяо Миньюэ озорно улыбнулась и спросила:

— А ты угадай, какой подарок я тебе привезла?

Лу Цзюин прикусила губу и с улыбкой ответила:

— Не могу угадать.

Разговаривая, они вошли в хижину.

Сяо Миньюэ никогда раньше не бывала в этом поместье семьи Цзинь. Она знала, что дом ветхий, но не думала, что настолько.

Стены, обмазанные красной глиной, под потолком — покрытые плесенью деревянные балки. Внутри из утвари лишь пара глиняных горшков, узкая кровать, один стол, два шкафа да кухня у деревянного окна. Печь была невысокой, рядом стояла огромная каменная ступа, в которой наполовину был истолчен рис. В этом крошечном пространстве умещалась еще и грядка с зеленью, которая уже дала первые ростки. Если бы Лу Цзюин не была такой миниатюрной, здесь, пожалуй, было бы негде и повернуться.

Сяо Миньюэ только сняла обувь и опустилась на циновку, как увидела, что мимо прополз огромный черный жук. Вся ее радость от встречи мгновенно улетучилась, и внутри снова закипел гнев:

— Семья Цзинь совсем берега попутала! У них ведь есть усадьба в деревне Цинхэ, как у них рука поднялась оставить тебя, девушку, жить в такой лачуге?

Лу Цзюин принесла приготовленный с утра чай и, налив его в глиняную чашку, протянула Сяо Миньюэ.

Она знала, что Сяо Миньюэ наверняка сначала заглянула в дом Цзинь, прежде чем найти ее здесь. Но в семье случилось горе, а усопший превыше всего, остальное было не так важно. Сев рядом с подругой, Лу Цзюин кивнула на чашку:

— Сегодня Белые росы. Я собрала утреннюю росу с ростков проса и заварила чай. Он сладкий и освежающий, помогает унять жар в сердце. Попробуешь?

Сяо Миньюэ, глядя на прозрачный настой, действительно почувствовала жажду. Она поднесла чашку к губам и еще до того, как сделать глоток, ощутила свежий аромат зерна. Сделав небольшой глоток, она почувствовала сладкое послевкусие и залпом допила чай.

Она протянула чашку обратно, улыбаясь:

— Говорят, что пить росу с магнолий — высшее блаженство, но я считаю, что твой чай из росы с проса куда лучше.

Лу Цзюин, видя, с каким удовольствием та пьет, улыбнулась и налила еще чашку, а затем спокойно перешла к главному:

— Я ведь жила в той усадьбе, просто сейчас идет сбор урожая, и я прихожу сюда, чтобы готовить чай для крестьян, которые помогают нам. А-Мяо, младший третий господин был старшим внуком, госпожа Цзинь души в нем не чаяла. Жаль, что небеса забрали его так рано. У госпожи Цзинь и так здоровье слабое, а от такого горя она совсем слегла, я очень за нее

переживаю.

Сяо Миньюэ помрачнела, чувствуя несправедливость:

— Ты так беспокоишься о ней, а что семья Цзинь сделала для тебя?

Лу Цзюин прожила в доме долгие годы и знала характер госпожи Цзинь: та сдержала свое обещание и до сих пор не отступилась, и это уже было немало. Но у жен двух других ветвей были свои планы, и многое уже не зависело от воли госпожи Цзинь.

Лу Цзюин отпила чаю и добавила:

— Я сама виновата, разбила нефритовый браслет второй тетушки. То, что меня отправили в деревню — справедливое наказание, я не жалуюсь.

Сяо Миньюэ поставила чашку и спросила:

— Я ни за что не поверю, что ты разбила его нарочно. Что там произошло на самом деле?

<http://bllate.org/book/20047/1981186>